

Так радостно установилось у матушки Валентины, чтобы ей летом всякий раз просыпаться ещё до зари, в изначалье дня: как говорила бабушка — «до свету». Когда на часах около четырёх.

И тогда у тебя на глазах начинается то великое, чудное сотворение светлого неба и безвидной, пока ещё будто бы пустой земли, зеленеющих трав, а также древ плодовых, в раскидистые ветви которых словно только что Бог любяще пустил «всякую птицу пернатую». И её, Валентины, «душу живую», как новоявленную.

И вот наконец в это сокровенное предутренье вступает Солнце. Заботливо оглядывает мир через край горизонта. Так радостно встретить его улыбкой... Сегодня же матушка, проснувшись, едва не вскрикнула от боли: она вспомнила, что днями в её жизни появился некий Родион Романович Володин.

Вошёл, внося ощущение тревожного смятения. Точно срок пришёл, и началась для неё та испытательная пора, которая редкую женщину обходит стороной, требовательно, взыскующе повелевая ей страдательно пережить предуготовленное. Ибо так почему-то надо.

С Володиным матушка Валентина познакомилась на днях в областной детской больнице на заседании Попечительского совета у главного врача. Хотя слово «познакомилась» не совсем уместно. Даже вовсе неуместно. Главный врач Илья Сергеевич Гнездилов лишь представил их друг другу, блудя протокольную обязанность. Как, кстати, представил Володина и всем тем членам Попечительского совета, кто в тот поздний вечер собрался у него в кабинете на совещание: включая первого зама мэра Владимира Петровича Четвертакова, разнокалиберных депутатов и обойму близких к власти, своих, приручённых бизнесменов, а также двух колоритных «вумен» с внешностью фотомоделей.

И ведь произошло всё это с особой искусительной дерзостью — именно под день пятнадцатой годовщины их венчания с мужем. Она, любящая жена, каждодневно живущая делами своего милейшего батюшки Романа, вдруг ощутила со стыдом, с неприязнью к самой себе повышенный интерес к постороннему человеку, практически незнакомому мужчине...

Последнее время матушка Валентина словно предчувствовала наперёд со смутной опаской, что в её жизнь вот-вот просочится некая сумятица, а то и, не дай Бог, нежданная беда. Так было у неё перед рождением их позднего, вымоленного единственного ребёнка, Ангелинушки. И тогда её страхи оказались не напрасными. Ей рожать приспело под 1 Мая: уже воды отошли, а врачи и медсёстры на поляне перед больницей шашлыки организовали. Когда спохватились о роженице, ребёнок в ней уже перевернулся. Начали щипцами тянуть, так он ножкой застрял. Вот так нескладно, с болью и пришла в этот мир восемь лет назад их Ангелинушка. Росла медленно, не говорила и словно бы, так ещё и не покинув мать, жила в том особом, нутряном мире, как в коконе. Всякие диагнозы на ней перепробовали врачи, пока через несколько лет не объявили «аутёнком». Правда, этот диагноз то подтверждался одними знаменитостями, то отрицался другими, не менее знаменитыми. Отец Роман с дочерью какие только святые православные места не посетили, но речь у Ангелины не объявлялась. Лишь порой прорывались звуки каприза или слёзного завывания. Ничего не изменили ни уколы кортексина, ни дорогуций нэирофитбэк, ни высокочастотные токи или сенсорная французская Томатис-терапия. Они её дважды проходили: первый раз в Украине, а недавно в благотворительной

бельгийской клинике, — и тогда впервые появился у Ангелины какой-то смутный, путанный интерес к окружающей жизни, невнятно прозвучали первые исковерканные слова, но тем и закончилось, — уже через пару дней всё это приглохло.

И теперь вот — Володин... Хотя они ещё толком и познакомиться не успели, но она чувствовала, что невольно выделяет этого человека среди всех. Это тревожило её все больше и больше. Наконец волнение Валентины объявилось и в её снах. То приснится матушке, что потолок у них в квартире на головы падает, то их город исчез, а всюду на его месте плещется сияющая ярко-синяя вода. Днями так и вообще видела она себя замерзающей насмерть в бескрайней снежной степи. Как матушка, Валентина не дерзнула прибегнуть к помощи «Сонника», но и равнодушно отмахнуться от таких ночных испытаний не могла. Они всё острее терзали её.

Хотела открыться подруге, матушке Ольге, но вовремя нашлись правильные причины этого не делать. По крайней мере, пока. Что она сможет ей сказать? В чём открыться? Ведь пока одна смутная блажь.

Однажды ей даже показалось, что и Ангелина, Бог знает как, углядела в матери её потаённые страхи. И это материнское волнение каким-то образом передалось девочке. Последнее время матушка Валентина всё чаще

замечала на себе остановившийся, скорбный взгляд дочери.

А тут ещё пугающе заявил о себе тот факт, что матушка Валентина исповедовалась мужу. Такое редко случается в священнических семьях, но у них это повелось по необходимости ещё с той поры, когда Роман после рукоположения первые три года служил в глухом сельском храме, куда автолавка добиралась раз в месяц. Так и повелось, так было и поныне. Отец Роман каждый раз так вдохновенно надевал епитрахиль и так чутко, так бережно, но в тоже время столь взыскующе исповедовал жену, с благодатным усердием помогая исторжению мучительной тяжести греховной нечистоты, что она нередко, склонив голову над Евангелием, плакала от умиления перед всесвятой силой Господа нашего.

Одним словом, вопрос, у кого исповедоваться матушке, был особой тонкости. И сейчас, может быть, как никогда до сих пор, поставил её в тупик. Привычное, определённое ими время покаяния приближалось.

Она как исповедь сама себе устроила с пристрастием: «Ты влюблена в этого Володина? Нет! Он хотя бы нравится тебе? Нет! А что же ты маешься? Не знаю. Врёшь! Вру. И вру, потому что не могу толком объяснить своего состояния...»

Валентина с самого детства знала насчёт себя, что будет матушкой, и никак иначе. Другой жизни в роду Покровских у девочек

никогда не было. Её не смущали вопросы, какие обычно волнуют мирянок, собравшихся стать жёнами батюшек: среди первых та, что жизнь матушки — бесконечное ожидание мужа. Её тётя, недавно ещё игуменья здешнего Казанского Свято-Богородичного монастыря матушка Софья, ныне возглавлявшая женсовет, не раз говорила: «На совести жены священника души всех тех людей, которых он не смог утешить из-за их семейных нестроений. Матушка — это есть истинный камертон: какой тон с утра задаст батюшке, так день у него и пройдёт. Порой достаточно одного недовольного выражения лица жены, чтобы испортить на весь день настроение мужу. А священнику, как никому, необходимо благодостояние духа, чтобы щедро дарить радость о Господе всем, приходящим к Нему».

Пятнадцать лет назад в старинном храме Успения Пресвятой Богородицы на светлой Пасхальной службе Валентина вмиг стыдливо влюбилась в читавшего на клиросе сочным, рокошущим баском прыщавенького тощего дылду-семинариста. С той поры он не нарадуется на свою Валентину. И словно впритык не видит мирянок, годами тоскливо страдающих по статному батюшке: ростом отец Роман вымахал с нападающего волейбольной команды; в плечах сажень косая, а лицом поныне мило-детским светел, как озарённый, притом

радостно кроток и застенчив в каждом слове.

Так и сошлись два молодых человека из старинных священнических семей: Покровские и Яковлевы. Прапрадед отца Романа Фёдор Яковлев недавно был причислен к лику священномучеников для общецерковного почитания. Был он из семьи сельского пономаря, и воспитан с малолетства в православном благочестии. Увлёкшись научными успехами начавшегося двадцатого века, обучался на физико-математическом факультете университета, а ещё, от ненасытности к знаниям, — в сельскохозяйственном институте. В науках славно преуспевал. Но когда объявилось повсеместное поругание веры, принял в защиту и укрепление её дерзкое решение наперекор властям: бывший красноармеец, бывший милиционер Фёдор Яковлев в самый разгар гонений на Церковь стал священником. А летом 1930 года был осуждён и расстрелян без доказанной вины за какой-то вымышленный заговор.

А вот прапрадедушка Валентины батюшка Владимир Покровский, кандидат богословия, был ещё до Первой мировой настоятелем кафедрального собора Преображения Господня. Это он устроил при храме странноприимный дом, в войну приютивший с фронта увечных инвалидов, а в эпидемию сыпного тифа помогал собирать средства для больных. Кроме всего прочего, был законоучителем в женском

Епархиальном училище и в мужской гимназии, организовал духовные воскресные чтения. Его проповеди не раз печатались в здешних «Епархиальных ведомостях». Прапрадедушка, по преданию, обладал особенным даром слова, и отец Валентины батюшка Пётр на всю жизнь с раннего детства запомнил его особо любимое выражение, какое тот нередко повторял на разрешительной проповеди: «Сейчас мы беззаконие пьём как воду, Господи, утверди веру!» Оно по сей день волновало его душу: как просто, и как много этим сказано...

Священничество никогда не было утрачено в их семье: и ныне её отец благочинный Пётр Покровский вместе с Романом Яковлевым какой уже год сослужат в кафедральном пятиглавом соборе Преображения Господня. Том самом, про который и здешние клирики, и миряне важно пошучивают, что его могучий, бодрый-благовествующий перезвон при хорошей лёгкой погоде в самой Москве, коли прислушаться, так внятно слышать. Оттого было замечательно заведено у них в семье, что, придя домой, батюшка Роман с аховой высоты своего знатного, колокольного роста, подтверждённого древнерусской косой саженью в плечах, первым делом как бы мимоходом, но всё равно весьма значительно, мудро интересовался:

— Что, матушка, слышала нынче наш литургический перезвон? Такой славный да весёлый

состоялся! Так во все девять душевных, аки живых колоколов!

Её же ответ всегда был обязательно новый и такой, словно отвечая про их разнокалиберных громовержцев, славно отлитых по точной рецептуре старины, она сообщала, в каком настроении сама провела день и с чем на душе встречает вернувшегося из храма, как с небес сошедшего, просветлённого службой мужа:

— Вот же, Ромушка! А как ещё! Они сегодня так порадовали меня, слов нет. Такой говор был красный, весёлый, точно на Святой неделе!

Дом священника — это его домашняя церковь, его келейная, где он насыщается силами, где размышляет, молится и готовится к храмовому служению. Добрая жена — его тыл, помога в несении креста иерейского. Сонаследница благодатной молитвенной жизни.

Перед венчанием Роман и Валентина поехали за благословением в края Псковские, к старцу Николаю Гурьянову на остров Залит — тот между паломниками имел название острова Божественной любви. К Гурьянову советские власти тогда народ ещё без напряжения допускали, поперву толком не поняв сути его прозрений. Добирались сюда люди со всей России испросить провидческого совета.

Был конец марта, день густо-солнечный, осиянный, и словно бы радостно гулкий. Роман с Валентиной дошли к дому старца

напрямик через блиставшее ледяной синью озеро. Даже шутили дорогой, несмотря на особенный момент. Наперегонки друг с другом порывались скользить по матёрому глубинному льду. Одним словом, оба несносно волновались.

Николай Гурьянов открыл им двери, прежде чем они успели постучаться к нему. Сквозняк аккуратно встревожил его пушистые седые власа, точно вокруг старческого лица небесный нимб воссиял.

— Голубкам моим на кормушку пшеница сыпанули? — спросил бодро, любезно.

Только добрые люди наперёд просветили Романа и Валентину, что такую мелочь надо обязательно исполнить самим без напоминания.

— А то! — мальчишески засмеялся Роман да тотчас смиренно запунцовел от внезапного смущения.

Улыбнулся старец, аккуратно поставил самоварчик с грушёвой щепой, тягу поющую наладил и скоро чай определил с мелкими сухариками.

Да под него вдруг проговорил неожиданно:

— Ну что, парень, показать будущую жену приехал?

Роман растерялся:

— Наказа вашего на брак нам бы испросить...

— Молодец. Так что длинного разговора у нас не будет. Красавицу в жёны берёшь, но опаски тебе от неё не будет. В монахи

подаваться не придётся. Всё у вас идёт и будет идти своим добрым чередом, коли ваше Боголюбие не оскудеет. А за посещение неприятностей не огорчайтесь: это спутники жизни во имя нашего духовного оздоровления. Верующий человек, он должен любвеобильно относиться ко всему, что его окружает. Любвеобильно!

А на прощание взял за руки Валентину:

— Знаешь, дева, что это такое быть матушкой? Она как есть мать всего прихода. А путь священника труден. И лёгких не бывает. Его путь — всегда путь крестный. В общем, будет тебе испытание... Попозже... Не забудешь про меня — дам сил. Так что, может, и устоишь. Вдвоём как нам не справиться?..

Словно во исполнение слов Святого апостола: «...кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией», Роман и Валентина как сроднились с домашним церковным порядком. Роман, возвратившись со службы, малость передохнув, принимался с женой на пару за пение акафистов. А когда вдруг оказывалась этому непреложная помеха, так они печально скучали. За делами домашними и женсоветовскими Валентина радовалась, если складывалось у неё успеть покормить супруга между службами, бдительно следила за состоянием его рясы и подрясника, всегда вовремя успевала подшить ему новые, свежие,

сияющие лаковой белизной подворотнички.

Только бывает, что и у них порой не обходится без житейских контроверз.

— Что-то вы, батюшка, последнее время стали часто менять подворотнички? Откуда такая повышенная озабоченность своим внешним видом? — аккуратно нагрезит Валентина.

Роман всплеснёт руками:

— В храме после зимы вентиляция плохо работает. Все двери распахнём — всё душно. Плюс влюблённость в тебя то и дело кидает меня в эдакий жар...

— А мне был другой тайный доклад именно насчёт вас... — смущённо приотвернётся Валентина. — У меня, прости Господи, есть свои шпионы! Шутка, конечно. Только кое-кто настойчиво шепчется, будто последнее время околоцерковные «дамочки» вас особенно плотно окружили. С тех пор как я стала отвлекаться на разные дела в женсовете. Ох, весьма опасны эти девы! Тут непростые материи взаимодействуют. Ибо дочери такой желается верить и надеяться, что станет она соучастницей великих трудов батюшки. Вот он, осиянный, выходит из алтаря, а полученная им там пресветлая Благодать обильно изливается и на неё. А между собой они страсть как любят поговорить о том, будто матушка де мешает церковному служению «нашего дорогого батюшки». Имена тебе таких наших рясофилок назвать?

— Пустое. Не беспокойся, душа моя, я блюду должный порядок, — вздохнёт отец Роман.

Матушка Валентина, как бы желая переменить тему, взыскательно оглядит фиолетовую камилавку, которой её мужа наградил митрополит Никодим. Кажется, ни пятнышка, вся бархатно сияет.

— Поверь, батюшка, я предлагала им подключиться к работе нашего женсовета... — разведёт руками Валентина. — Но конкретные дела, ответственные, не всех интересуют. Некоторые любят придумывать всякие несущественные занятия в храме и на приходе, только чтобы быть рядом с вами. Я уверена, они уже давно освоили послушание кормить вас вместо жены между службами, если я вдруг в женсовете зарাপортуюсь и запоздаю с вашими любимыми пирогами с капустой и луком.

— Сие истинно так и доподлинно есть... — особенно старательно, внятно перекрестится отец Роман. — Спаси, Господи...

Но в этот раз в таком их привычном и безобидном разговоре Валентину как-то ни с того ни с сего вдруг занесло:

— Дайте, я вам сама скажу на этот счёт своим простым бабским языком! — зазелась она. — Эти дамочки скоро захотят встрять сопомощницами в мои домашние, а то и, прости Господи, в супружеские обязанности. А всё от неосознаваемой влюблённости в вас!

— Женщин подобных следует гнать палками, как Христос торговцев из храма... — строго объявил отец Роман. — Знаемо, порой ряса для них не менее притягательна, чем мундир офицера. Но давай диалектики ради осмотрим этот вопрос наших с тобой отношений во всей его содержательной многогранной полноте. Мы редко по-настоящему видимся, редко вместе отдыхаем. Я в храме, на приходе, а ты сама по себе в женсовете или дома. Так вот... Разве я тебя испытываю мучительными требованиями типа житейской грешной ревности? Мол, а не было ли у тебя, Валюша, за все наши годы хотя бы малого искушения, скажем, на дружбу с каким-нибудь интересным человеком мужского пола? Не согрела ли тебя хоть раз пусть и зыбкая, но так-таки реальная влюблённость в другого кавалера? Эдакое невесомое, вроде как беспредметное очарование? Тихонькое, уютное... Чтобы чувства твои сугубо женские малость оживить...

Валентина растерянно замолчала. Как осеклась.

Ей стало больно, боль по всей груди разлилась оттого, что подобное вопрошание мужа насчёт «интересного человека» пусть и интуитивно, но вот же практически проявилось. И не на пустом месте. Словно за ней незримо уже грешок есть, пусть пока лишь паутинкой тянется.

Володин...

Тут бабушка Роман и сам через такие свои твёрдые, ёмкие

слова с нажимом почему-то отчаянно смутился. Он словно почувствовал неуклюжую беспардонность своего неловкого желания проникнуть, пусть и под прикрытием шутки, в ту сокровищницу заветную женских чувств, где неприлично присутствие даже самого близкого человека.

— Прости, матушка... — потупился Роман. — Не куксись.

«Прости, Господи, и помилуй!» — строго вскрикнула про себя Валентина.

До сих пор её семью миновали обычные испытания, какие, случается, претерпевает немалая часть молодых (и не только) батюшек с их матушками. Первая причина неодолимая — священник тот же военный: куда пошлют, туда и поедет, взяв под козырёк. Вон ведь муж Оли отец Андрей первое время вообще служил в армейской штабной палатке. А прихожан на селе всего ничего. Само собой, причта практически нет, хора нет. В общем, начинали с нуля. Всё свободное время уходило на ремонт в храме. Оля поначалу во всём соучаствовала: окна красить, на колокольню лезть выметать застарелый помёт голубиный, крышу латать. Поселили их в неказистой избушке-развалюшке на курьих ножках с забитыми ставнями. Так поперву она ахнула отчаянно. На что отец Андрей тогда строго глухо сказал: «Нам с тобой ничего не надо: не надо ковров, хрусталей, мы будем жить скромно: носить воду, топить русскую

печку, ладить просфоры». Он был счастлив нести сей крест. А Оля?.. Когда родился первый их ребёнок, стало так сложно, что она в отчаянии вдруг бросила мужа и умчалась туда, где в областном центре в роскошной пятикомнатной «сталинке» мама, депутат областной Думы, и папа, отставной генерал некогда всемогущего КГБ СССР, терпеливо ждали возвращения своей «съехавшей» на религии дочери...

Только, несмотря ни на что, поныне есть девочки, мечтающие женить на себе будущих священников, которые, по их мечтательности, будут непременно служить в приходе ни мало ни много на Рублёвке, ездить в дорогой иномарке, отдыхать на Сейшелах. Вот и летят они как мотыльки на свет в регентские и иконописные классы, устраиваются на любую работу в семинарии, старательно ходят на здешние храмовые службы, чтобы их заметили... Знающие, что к чему люди насмешливо зовут их «хабээмками» («хочу быть матушкой») или «хабэшками» («хочу батюшку»). И они нередко успешно достигают своего. Известное дело: семинарист, если не вдохновился монашеством, обязан жениться до рукоположения в сан. И где же он, сердешный, найдёт себе невесту? На сайте знакомств в Интернете или на дискотеке?

А толку что? Об этом почему-то мало кто задумывается. И вот потом у некоторых таких умных девочек начинаются отрезвляющие будни...

Оля со школы видела себя ни мало ни много современной Мари-ей Склодовской-Кюри. Окончила с красным дипломом физико-математический факультет университета. Искала места в Курчатовском институте, чтобы заняться проблемами «термояда». А нашла в бывшей «Ленинке» своего Андрея за чтением древних новгородских летописей. Был он в те ельцинские времена студентом лестеха, играл на гитаре песни Ножкина, вступил в Компартию, и прямой путь ему лежал в Белый дом под танковые снаряды или пули снайпера с крыши американского посольства. Только кто-то на очередном митинге Андрею голову разбил бейсбольной битой, когда он кинулся на БТР взахлёб, оглашённо орать, чтобы народу вернули СССР! Прямо Ильич, призывающий солдат, матросов и рабочих к мировой революции с броневика на площади у Финского вокзала.

А зимой девяносто четвёртого вдруг куда-то странно исчез Андрей, когда они уже три месяца как поженились. Искала его Оля, как и водится, по моргам, больницам, отделам милиции. Наконец её отец, Николай Семёнович, подключил прежние кэзэбистские связи и вскоре объявил дочери, что муж её жив-здоров и скоро будет рядом с ней. Правда, эту новость проговорил он сухо, чуть ли не раздражённо.

Через месяц Андрей вернулся. Вернулся уже верующим человеком. Всё это время он жил

трудником в Оптиной п^устыни, под Козельском. Оля чуть с ума не сошла. Перед ней стоял совсем другой человек, чужой. Но с какими-то непривычно сияющими глазами... Вот и началось тогда: Андрей стал в храме пономарём, чтецом, позже ему поручили воскресную школу.

Оля чувствовала себя не просто брошенной: Андрей словно предал её. И ради идеи, которую она совершенно не принимала. Попыталась успокоить себя, что это у него временная дань моде. Тогда словно поветрие такое пошло. Даже высшие руководители, бывшие яростные атеисты, взяли себе в правило по воскресеньям стоять на лучшем месте у алтаря с грустно капающими воском свечечками. Правда, потом эта их храмовая суэта у большинства заметно поулеглась. Вот и Оля обнадёжила себя, что сойдёт сия блажь с Андрея, опять возьмётся он за гитару: вон какие известные барды ему посейчас нет-нет да и звонят, своего в нём видят.

— Разве я, Андрюшенька, против Господа? Или тебя осуждаю в вере?.. — всплакалась Оля. — Но нет его во мне. Не забывай, я дочь генерала КГБ!

— Они там тоже разные всякие, прости Господи... — поморщился Андрей, взволнованно оглаживая свою рано начавшую сесть и местами желтеть жиденькую раскидистую бородёнку.

Как бы там ни было, но когда три года назад при епархии

организовали женсовет, матушка Валентина чуть ли не первой вызвалась исполнять в нём послушание: по благословению митрополита в Неделю жён-мироносиц провести День православной женщины. Само собой, с пасхальной благотворительной ярмаркой, разными весёлыми представлениями и песнями. Оля ни убедить, ни уговорить, ни умаслить себя не дала, — так и осталась в стороне, живя сама по себе в своём сокрытом страдании.

Отец Роман поправил свою косичку, чтобы та не торчала на затылке как фига, и сообразительно поцеловал у Валентины руку:

— Только, матушка, ты, пожалуй, за всеми своими славными женсоветовскими заботами постарайся не забыть о скором юбилее нашего венчания. Он у нас уже на следующей неделе?

— А как же... — приобняла мужа Валентина. — Пятнадцать лет, милый, мы вместе! Пятнадцать самых счастливых лет в моей жизни.

— Пора бы нам определиться с гостями. Кого будем на этот раз звать? — вдумчиво сощурился отец Роман.

— Как это кого, милый батюшка? — смутилась Валентина. — Как всегда всех наших. Родителей, твоих братьев, моих сестриц, обязательно Олю с Андреем, матушку Софью...

— Да, да... — покивал отец Роман. — Только матушка Софья на

этот раз вряд ли придёт. Я слышал, она уже не встаёт. Храни её Господь. Как-никак девяносто седьмой год человеку пошёл. Мы завтра же проведем её.

Они оба союзно вздохнули.

— Одна наготовить на такое сообщество управишься? — улыбнулся отец Роман.

— А что, кто-то из твоих прихожанок мне в помощницы напрашивается?.. — взволнованно засмеялась Валентина. — Одна всё отлажу. А где надо, так и наша Ангелина присоединится ко мне. Что сможет доченька — поможет.

Роман взял руку жены, нежно погладил и аккуратно приложил к щеке:

— А как ты отнесёшься, если я к этой замечательной компании так-таки присочиню двух незнакомцев? За порядочность их ручаюсь. Пусть в нашей устоявшейся и чуточку старомодной компании дохнет свежий ветерок.

— Да ради Бога! А кто они?

— Оба из Москвы. Значит так, один — это иеромонах Василий Правдолюбов. Он же — молодой, но уже известный писатель. Будет у нас в университетах рассказывать о вере православной и современных семейных проблемах.

— Замечательно, — покивала Валентина. — Я так буду рада с ним познакомиться! Только скажу тебе честно, милый мой батюшка, если его проповеди и в самом деле помогают скрепить семейные узы, так надо его и к нам

в женсовет зазвать. Давай будем прямо смотреть правде в глаза: немало наших священников весьма молодого возраста остались одни без всякого права на вторую семью — сбежали от них матушки, не выдержали испытания. Не дождались роскошных лимузинов и замков в Англии.

— Не суди, да не судим будешь... — нагнул голову отец Роман. — Оно так. Воин Христов второй раз жениться не может. Второбрачие ведёт к извержению из сана. Но давай я продолжу на счёт праздника.

— Конечно, мой хороший. Итак, кто же второй гость, который нацелился к нам отведать моих пирогов?

Отец Роман вдохновенно зажмурился, показывая свой умиленный восторг перед знатной снедью Валентины.

— Второй из столичных известных предпринимателей... Он спонсирует отца Василия: издание книг, выступления. И разное прочее.

— Тебе бы такого добродетеля... — улыбнулась Валентина. — Хотя бы полы в храме перестелить. Того и гляди провалятся. Уже скрипом своим певчих заглушают!

— Верно, Валюша. Да, так... — сконфузился отец Роман. — Но чего я пожелал бы прежде всего, так это микроавтобус. Чтобы инвалидов и больных, особенно детишек, хотя бы на большие праздники привозить в храм...

Да к кому только не обращался, кому не кланялся...

— Боженька не оставит тебя своим милосердием... — поцеловала Валентина руку мужа. — А что за фамилия у второго нашего нового гостя? Ты что-то так и не сказал.

— Каюсь, забыл... Засуетился что-то и должным образом не вник. А мне же называли его. Вот голова садовая... Волков? Одинцов? Нет. Не то. Может быть, Воронов?

— Не Володин ли?.. — вдруг проговорила матушка, будто подчиняясь какой-то потаённой интуиции.

— Точно! — обрадовался отец Роман. — Облегчила мне душу! Вот умница. Володин. Родион Романович!

Однако Валентине даже немного страшно стало, что она так влёт взяла да и угадала.

— Вот это да!.. — тщательно перекрестился отец Роман. — Прости Господи, ты, матушка, не имела ли в роду каких-нибудь знаменитых вольфов мессингов?

— Вот уж нет... — сконфузилась Валентина и наморщила лоб тонкими, паутинными морщинами, как это всегда бывало с ней, когда её охватывало необъяснимое сильное смущение. — А твоего Володина я, кажется, немного знаю. Если только это не однофамилец.

— Что-то мы разозвелись, — бережно насторожился отец Роман. — Не давление у тебя

поднялось?.. Принести тонометр, Валюшечка?

— Это так. Пустяки. Не волнуйся.

Она собиралась сказать, как это у неё уже давно вошло в привычку в домашнем разговоре «Не волнуйся, милый», но почему-то именно сейчас на слове «милый» вдруг тормознулась и по непонятной причине его опустила. Или это через того самого Володина она в такое категорическое смущение озадаченно вошла?

Родион Романович Володин, московский олигарх средней руки, которого пока ещё не упоминали в российской версии журнала Forbes, но это явно было не за горами, недавно открыл в их городе строительный бизнес. Московского, «инопланетного» в нём было на первый взгляд разве что аристократический лондонский костюм под военную выправку от легендарных мастеров со знаменитой улицы Сэвил Роу, словно Володина пригласили на фотосессию для мужского журнала. Да ещё манера, сходная с привычкой столичного мэра Сергея Собянина, отдельные свои наиболее важные слова подтверждать короткой отмашкой правой руки. При всём притом голос у Володина был тихий, мягкий, даже аккуратный. Но к нему почему-то невозможно было не прислушаться и почти невозможно было возразить. Обращало внимание ещё и то, что у него под короткой боксёрской причёской было лицо взрослого мальчика, правда, который не

сегодня-завтра начнёт ускоренно стареть. Он не был красив, но производил впечатление: чёткие скулы и как подрезанный подбородок спортсмена, женские голубые глаза с «крылатыми» ресницами и романтические чёткие морщины на щеках, словно результат серьёзных испытаний, им пережитых. Понятно, что он невольно притягивал чужие взгляды, само собой, в первую очередь женские.

Увидев первый раз Володина на том совещании Попечительского совета, главный врач внимательно пригляделся к нему как бы в поисках источника той особой гравитации, исходившей от этого человека, которую он тотчас ощутил и на себе. Вряд ли этим источником могли быть серьёзные миллиарды Родиона Романовича. Скорее, его необычные увлечения. Поговаривали, что он с мальчишеской безбашенностью помешан на авиации и высшем пилотаже. Его шестимиллионный воздушный акробат «Интеравиа» И-3, любимый даже пилотами реактивных истребителей пятого поколения, никогда не стоял подолгу на лётном поле, скорбно зачехлённый в ожидании хозяина. Трудно сказать, что искал и находил, если находил, в небе Родион Романович. Молодёжный миф про будоражащий вброс адреналина в кровь в этом случае ничего не объяснял. Даже профессиональные военные лётчики из знаменитой пилотажной группы «Стрижи», первые

друзья-сотоварищи Володина, не могли объяснить его жадную, ошалелую тягу рвать небо трёхлопастным пропеллером своего «ишачка», кидая этот бело-алый рычащий «ястребок» то в восходящий по петле иммельман, то опрокидываясь в стремительной мёртвой петле или вёртко сваливаясь в смертельный вираж штопора, который всегда может стать последним.

Вечерний, поздний час тогдашнего делового совещания у главного врача был определён особым стилем руководства Четвертакова как высокопоставленного чиновника муниципальной службы. Он, во-первых, тем самым подчёркивал масштабность своей деятельности, которой явно недостаёт времени суток, во-вторых, он этим напоминал, кто в городе хозяин. Вопрос его перемещения на должность мэра по всему мог решиться в самое ближайшее время.

Усиливали значимость совещания ещё и несколько «смишников», джинсовых сонно-бледных парней с треногами, которые лениво-отстранённо работали съёмку. Как обычно у продвинутых компьютерщиков, так и у них налицо был некий сектантский, заговорщицкий вид людей, обременённых тайными особыми знаниями, недоступными остальным в силу непоправимой тормозности и косности.

— Позвольте, господин Володин, представить вам от женсовета епархии матушку Валентину

Яковлеву-Покровскую... — проговорил в тот поздний вечер главный врач Илья Сергеевич, с отвращением чувствуя как вместо обычной для него интонации доброго, заботливого хозяина, у него как бы само собой, словно против его воли, чёрт знает что получается. Даже более чем. Непонятно откуда и каким образом в нём объявилось перед этим Володиным некое слащавое лакейство. И в срывающемся на самоуничижительные интонации прищёптывающем голосе, и в заискивающем, чуть ли не восторженном взгляде.

— Очень рад, — просто, с привычной ему интонацией независимости, негромко проговорил Родион Романович.

Он был или ровесник Валентины, или на несколько лет моложе. Одного с ней роста, худощав и жилист, как бегун-марафонец.

«Какой-то он особенный, ни на кого не похожий...» — бессознательно отметила Валентина. Она давно никого так не оценивала: по-мирскому. Чисто по-женски.

Ей стало неловко.

— Вы рады?.. И что же вас порадовало? — улыбнулась Валентина, при этом выглядывая в толпе сегодняшних заседателей реально нужного ей человека, который обещал помочь перекрыть крышу детского отделения психоневрологического интерната в одном отдалённом районе. Да так что-то и не развернул до сих пор эти работы.

— Первый раз приходится разговаривать с матушкой. Я даже думал, что их сейчас нет. Они остались где-нибудь в повестях Лескова... — с радостным удивлением проговорил Володин. — Мне почему-то из его «Соборян» такая фраза навсегда застряла в голове: «При жизни диакон обращался к матушке-попадье: «ваше преподобие, честная протопопица Наталья Николаевна».

Напряжённо озабоченная проблемой с крышей интерната, Валентина не отозвалась.

«А детки там мокнут, всё в комнатах отсырело, и никому до этого дела нет...» — нервно думала она, невольно отлетев душой от необязательного светского разговора с московским гостем.

— Извините, я, кажется, помешал вам?... — виновато улыбнулся Володин.

— Да, да... Мне надо отойти. Да и обсуждение сейчас начнётся, — смутилась Валентина.

Заместитель мэра коротко рассказал о масштабной значимости создаваемого при больнице Гнездилова уникального проекта паллиативного отделения. Архитектор города, невысокого росточка стареющий кукольный красавчик, эстетски продемонстрировал цветные слайды с впечатляющими картинками будущих сказочных домиков, в которых неизлечимо больные дети будут умирать уже с европейским комфортом.

Илья Сергеевич, в свою очередь, ещё раз строго объяснил всем, что паллиативное отделение

будет для местной медицины и властей очень серьёзным, ответственным и даже драматическим проектом. Ведь в новом отделении, которое они, здешние врачи, между собой называли «хосписом», будут находиться особые дети.

— Особо одарённые? — раскованно усмехнулся один молодой, энергичный депутат, которого его коллеги между собой беззастенчиво именовали «Откатом».

— Особые потому, что у них ограниченный срок жизни... В основном через неизлечимые онкологические заболевания. Они будут находиться у нас от нескольких дней до нескольких месяцев. В зависимости от прогрессирования заболевания. Я ясно выразился?

— Извините... — вздохнул «Откат». — Я о таких детях как-то даже и не слышал никогда. Неужели... В наше время?! В эпоху прогресса?!

— Идём дальше... — перебил его Илья Сергеевич. — Проект нас устраивает. Мы, медики, всем вам очень благодарны. В свою очередь, постараемся создать максимальную степень комфорта и уюта для детей и их близких. Областной бюджет выделил на создание хосписа 86 миллионов рублей. На 30 миллионов уже приобретено оборудование, 25 миллионов ушло на строительные работы. Ещё один миллион дали присутствующие здесь уважаемые члены Попечительского совета, чтобы мы смогли

закупить мебель, инвентарь. Благодарность вам от всего сердца... В том числе и от самих больных детишек и их несчастных родителей. Но пока не завершена отделка фасада и нет игровой площадки. Нет компьютеров. А это минимум два миллиона, которых у нас уже нет... Одним словом, без вашей помощи нам не справиться. Кроме того, отделению нужны вентиляционная система, кондиционеры, климат-контроль, микроавтобус и санитарная машина. А это ещё миллиона полтора.

В кабинете внезапно погас свет.

Было хорошо слышно, как в коридоре больничного административного корпуса хлопают двери кабинетов, как кто-то бежит то ли на поиски дежурного электрика, то ли распределительного щитка. Даже раздался озорной девичий взвизг, понятно какой причиной вызванный.

— Электрическая сеть не выдерживает напряжения наших проблем... — с мудрой интонацией провинциального актёра-трагика былого девятнадцатого века сокрушительно проговорил в темноте главврач Илья Сергеевич.

— Совецание продолжается! — каким-то новым голосом, возможно, уже голосом мэра, сказал никому не видимый Четвертаков. — Итак, Илья Сергеевич, прошу чётко и выразительно озвучить, сколько на данную минуту в общем и целом весят все ваши проблемы?

Было слышно, что Гнездилов, несмотря на темноту, встал со всей возможной резвой бодростью:

— Пять миллионов рублей, господда! Хотя точнее — пять с половиной... — проговорил он глухо, натужно, как видно ненавидя в себе вынужденного просителя.

— Почему-то я сейчас насчитал за вами только три с половиной? — озвучил Четвертаков свои соображения лукаво-скептическим голосом высокого руководителя, деятельно берегущего каждую государственную копейку в своей самоотверженной работе во имя процветания Родины.

Однако ни он сам, несмотря на все свои способности и номенклатурные связи, ни кто-либо из собравшихся, за исключением, правда, Родиона Романовича, который имел свои особые московские источники, не знал, не предполагал, не предчувствовал, что завтра утром у входа в мэрию на Владимира Петровича сотрудники ФСБ наденут наручники: он будет взят под стражу по подозрению в превышении должностных полномочий, попросту — в коррупции особо значимых размеров.

Гнездилов, возможно из-за переутомлённости, позволил себе раздражённо хмыкнуть:

— Вынуждают реальные обстоятельства. Сама жизнь уже требует отказаться от первоначального замысла создавать пятиместное отделение. Его необходимо расширить вдвое. Число

смертельно больных детей растёт день ото дня. Хоспис должен быть рассчитан на приём минимум как десяти детей и десяти их родителей! Число палат придётся увеличить. Потом же нужны средства облагородить прилегающую территорию. Чтобы детям там было комфортно играть на свежем воздухе. Тем, у кого ещё будучи силы...

Кажется, заместитель мэра ударил в темноте ребром ладони по столу. Звук был похожий.

— Не вам, господа, объяснять ситуацию, в которой сейчас оказалась наша страна! Запад, как говорится, пошёл ва-банк на новую Россию. Нас обложили жёсткими санкциями, предательски сбили цену на нефть, отменяют уже заключённые контракты... Господин Гнездилов! Может быть, вы пересмотрите с учётом момента ваши почти маниловские прожекты?

— Лучше тогда бросить всё к чёртовой бабушке... — хрипло отозвался Илья Сергеевич.

— Свято место пусто не бывает, — хмыкнул Четвертаков. — Не задирайтесь... Ладно, будем думать. Затем мы здесь и собрались. Заметьте, в столь поздний час. Дети — высшая ценность нашей жизни!

— Я дам на всё про всё семь миллионов... — вздохнул в темноте кто-то из мужчин, словно только затем, чтобы прекратить пикирование.

Валентина не узнала, кому принадлежит этот приятный, несколько снисходительный и даже

самоуверенный голос. Возможно потому, что она сидела как всегда на отшибе ото всех. Нет, в школе круглая отличница Валя Покровская никогда не была замечена на «камчатке», её место было всегда на первой парте перед самым учительским столом, но сейчас во многих её поступках само собой, бессознательно сказывалась генетически усвоенная ею особенность кроткого, смиренно-отстранённого ощущения себя в мирской жизни.

Не сказать, что неожиданное щедрое предложение удивило её. Зная движущие силы и пружины нынешних окол властных кругов, многие невольно подумали, что некто расчётливо пожелал заработать для себя дополнительные бонусные очки в глазах руководства города. Сознывая, что потраченные им сейчас деньги позже однозначно вернутся сторицей. Ведь вопрос с паллиативным отделением был на личном контроле у министра здравоохранения и губернатора; и в Епархии внимательно отслеживали, как в этом отношении развиваются дела. Владыка Никодим за последние полгода, как начали строительство детского хосписа, дважды сам приезжал в больницу, каждую неделю лично звонил Илье Сергеевичу: само собой, это благословенное внимание главы митрополии регулярно сопровождалось существенным материальным содействием.

— Семь миллионов? Широкий жест! Правда, не вижу в темноте, кто вы? Благодарю... Надеюсь,

когда включат свет, вы от своих слов не откажетесь... — вздохнул главный врач. — Только вполне и пяти с половиной, спасибо, хватит... Будем благодарны безмерно! Родители больных детишек станут вам в ноги посреди улицы кланяться!

— А вот этого вовсе и не надо! При всём притом моё решение остаётся в силе, — снова сказал тот человек, которого не только Валентина, но и многие другие ещё так и не установили по голосу.

В кабинете возникло некоторое весёлое оживление. Само собой, несколько глуповатое в духе времени: раздалось предложение начать делать ставки, кто же такой есть этот затаившийся в темноте эксцентричный благодетель.

— Вы не учли, извините, несколько важных моментов, — тактично продолжил пока так и не узнанный голос. — Первое: здесь сейчас с нами присутствует из женсовета епархии матушка Валентина и она, думаю, поддержит меня, как, уверен, и вы. Такому особому заведению, где детки будут доживать свою малую жизнь, крайне нужна моленная комната и часовенка!

И тут грянул свет.

— Фу-у-у! — вздохнули все с облегчением, радостно оглядывая друг друга.

— Я готов выписать чек на нужную сумму прямо сейчас, — добавил только что говоривший мужчина.

Конечно же это был Родион Романович Володин.

Главный врач машинально представил его ещё раз. И это оказалось кстати: все сейчас словно увидели этого человека впервые. Даже такой многоопытный и пронизательный чиновник, как заместитель мэра. Конечно, при этом каждый оценил Володина по-своему. Большинство с опаской; некоторые с облегчением, ибо у них свалилась с плеч проблема изыскивать по сусекам деньги на благотворительность. Были же и люди, которые восприняли москвича задиристо. А вот сам Гнездилов — с радостью. С той, какую Илья Сергеевич всегда испытывал при виде выздоравливающего ребёнка. Это было главным мерилом его работы. За это его любил весь коллектив больницы и охотно прощал ему властную строгость. Так, на днях Гнездилов с треском уволил молодого хирурга, который забыл тампон в горле прооперированного по части гланд трёхлетнего ребёнка, и тот едва не погиб. Спасла мальчика чистая случайность. А хирурга Гнездилов просто-таки вышвырнул за двери больницы, невзирая на то, что двоюродным дядей этого человека был один из твёрдо стоявших на ногах заместителей самого министра здравоохранения.

— Простите, матушка, — обернулся Володин к Валентине, — что я предварительно не согласовал с вами вопрос о часовой. Пришло в голову уже в

ходе разговора, неожиданно. Но если эта тема не актуальна или по ней имеются другие мнения, моё предложение отменяется. Или мы внесём в него нужные коррективы.

— Ваши пожелания... — глухо заговорила Валентина, — достойны уважения. Они радостно совпадают с помыслами нашего правящего архиерея Высокопреосвященнейшего митрополита Никодима. Учитывая серьёзность вашего предложения, я имею благословение владыки предложить вам личную встречу с ним. Вот его и моя визитки.

Он протянул руку. Жест был естественный, обыденный, но, тем не менее, выдававший ту воспитанность, которая достигается не вышколенностью, а передаётся по наследству, правда, далеко не всем и не ото всех. Слово «джентльмен» матушке Валентине чем-то не нравилось, но Володин именно им и был. Он элегантно принял между пальцев простенькую, с надломленным углом карточку Высокопреосвященнейшего. Гибкость его руки показывала ту её натренированность, которую обычно дают упорные занятия с детства на фортепьяно, или, скажем, саксофоне. Ко всему на ней не было никаких шокирующих цацек. Всякие приметы и знаки олигархической принадлежности вовсе отсутствовали. То есть никаких там часов за пять миллионов долларов или гирлянды печаток стоимостью, сопоставимой с ценой океанской яхты.

Когда матушка Валентина передавала визитки, их с Володиным пальцы невольно соприкоснулись. Она не могла не почувствовать, что они у него странно горячие. Матушка Валентина впервые отчётливо посмотрела на этого нового в их городе человека. Его щёки едва ли не светились, будто он держал в рту горящую лампочку.

— Извините, я, кажется, немало простужен... — кивнул Володин с той сдержанностью, которая обычно выдаёт человека с острой головной болью. — Наверное, ваши здешние вирусы не по зубам моим изнеженным столбичным лейкоцитам.

Услышав слово «вирусы» и «лейкоциты», главный врач воспрянул как старая полковая лошадь при звуках трубы и явно почувствовал себя главным дирижёром этого такого удачного для него совещания.

Он что-то нажал на своём айфоне, веско проговорил в микрофон «Пора!», и тотчас двери кабинета гостеприимно распахнулись: как в «Поле чудес» господина Якубовича, радостно вошли рослые, молоденькие медсестрички с самыми замечательными формами, озарённые шаловливыми, нежно лукавыми улыбками. Многообещающие подносы грациозно плыли перед ними словно сами по себе. Тотчас на столы пали свежие, пахнущие свежестью скатерти и по ним в чётком порядке выстроились традиционные субъекты

провинциального праздничного набора: среднего качества шампанское, непонятного происхождения дорогой коньяк, приличная местная водка, всякие соки, разножанровые мясные и сырные нарезки, игрушечные канапе и тарталетки с салатом. Особенно весело, даже как-то несколько лихорадочно оживились гости, когда сочно запахло королевским жанром любого пикника — им был, им мог быть только он, ибо так повсюду отныне на Руси принято, — его величество шашлык. Шашлык, азартно сотворённый в густом жару разъярённых углей из самой что ни на есть курдючной баранины, до того сутки вызревавшей в гуще волшебного маринада, составленного по таинственному рецепту руками достойного сына Кавказских гор лучшего детского нейрохирурга детской больницы Айсана Гаджиева. Как бы даже послышались у многих в ушах далёкие, приглушённые звуки лезгинки.

Когда внесли серебряное блюдо с огненными, смуглыми, вязко сочившимися большими кусками мяса, воинственно топорщившегося острыми шпажками шампуров, в духе времени раздались аплодисменты. Которыми сейчас ещё и хоронят в определённых случаях, и благодарят командира авиалайнера при посадке за то, что он не разбил в пух и прах своих крайне заробевших пассажиров.

Зам мэра Владимир Петрович Четвертаков, заложив почему-то

руки за спину (после застрашного ареста этот жест будет мистически расценён многими), смачно подёргал носом и потребовал немедленно автора.

Обнявшись с нейрохирургом Гаджиевым, заместитель мэра попытался изобразить несколько па лезгинки. И снова бодрый всплеск счастливых аплодисментов.

— Господа! Господа! Прошу вас перекусить! И перепить! То есть выпить всё до капли! — бодро, прыгуче выступил главный врач навстречу основательно приутомившейся публике эдаким цирковым объявлялой, то бишь шпрыхштальмейстером, или, как ныне принято говорить, инспектором манежа.

Никто не организовывал, никто тому не содействовал, но матушка Валентина и Володин оказались у стола рядом.

Она безотчётно попыталась отодвинуться от него, да некуда было: сбоку основательно, непоколебимо стоял сам первый заместитель мэра Четвертаков, вооружённый шампуром.

— На зелень налегайте, товарищи! — бодро сказал Гаджиев, высоко подняв перед собой руки в порыве кавказского гостеприимства. — Шашлык любит зелень! Больше сельдерея, петрушки, кинзы! И — наливайте!

— Наливайте! — подхватил Илья Сергеевич. — Двадцать секунд уже прошло! Повторим! И-и-и!

— Почему вы не едите сей чудный мясopодукт? — любовно оглядев свой шашлык, сказал матушке Валентине Родион Романович, не видя у неё в руках ничего, кроме бутерброда с одной-разъединственной шпротинкой.

Она ничего не ответила. Объяснять настоящую причину человеку, которого Валентина первый раз видит, ей показалось неприличным, а лгать ещё более того.

— Понял. Вы держите пост... — осторожно улыбнулся Володин, как бы давая понять, что осознаёт своё наивное, может быть, вовсе нелепое вторжение в ту область, которая ему неведома, и есть для него настоящая загадочная Terra Incognita.

— Слушайте доктора: ешьте больше зелени... — вздохнула матушка.

Больше Володин не пытался говорить с ней. Он вообще ни с кем здесь слова уже не произнёс. Да и матушка тоже. Они молча стояли неподалёку друг от друга.

При всём притом Володин не заметил, когда Валентина ушла. На прощание Четвертаков и Гнездилов поцеловали её руку. А некая прокуренная дамочка из когорты «бизнес-вумен» попыталась испросить у неё отпущение грехов.

— Изнываю душой очень! Раба Божья Тамара!

— Приходите в храм к батюшке... — тихо проговорила Валентина.

— А хотя бы благословить меня?! — страдающе, просто-таки

исполнения и составу всех замечательных ингредиентов, как есть они самые, пухлые да весёлые. Но... Но не всякий гость рисковал за них так сразу и взяться, отважно ухватить самый радующий глаз кусмень. К ним приступали, как говорится, с чувством, толком, расстановкой. Даже постоянным гостям здешнего дома до сих пор было непонятно, чем так зазывны пироги матушки Валентины: то ли особого приготовления начинкой, то ли тайной нежного, лёгкого и словно даже вальжного теста?

В общем, это всегда была особая торжественная десертная минута, когда на стол приезжали её пироги: эдакие пухлощёкие молодцы с густейшим сиянием огненного румянца и богатым выбором внутреннего содержания — белорыбица, толчёнка картофельная с луком да грибами, морква распаренная шафранная или шинкованная тушёная белокочанка с ядрёными разлитыми желтками особого отбора домашних деревенских яиц. К ним же следовало всякое первостатейное питьё из свежей земляники или яблочно-терновый компот. Чай и кофе подавались по желанию.

Сегодня пироги у Валентины не удались. Вот и вся песня. Как бы тесто недостаточно подошло, как ни старалась она над ним. В общем, Валентина уже готова была выбросить их в мусорное ведро. На ней лица не было. Она откровенно страдала, слёзно перемаргивая.

— Не задались пироги, мамочка?... — осторожно подступил отец Роман. — Можно поглядеть?

— Ни в коем случае! Фу...

Отец Роман ласково приподнял с ведра ярко-красный домотканый рушник, как врач, который слегка забирает для осмотра рубашку у больного.

Ведро полно было дородных, самовито возлежащих стопкой сочных пирогов. Ароматно пахучие, ещё пышущие остатками печного жара, они смотрелись вполне исполненными дебелого благообразного достоинства и приятной важности.

— Всё отлично! Слава Богу! Милая, ты слишком требовательна к себе!

Он взял верхний, самый огненный, просто-таки живой пирог, и весело перекинул его с руки на руку, так как был тот резко горяч.

— Экий матёрый! — с подъёмом воскликнул отец Роман. — Успокойся, Валюшечка.

Он живо вышел.

Вернулся бегом: в руках воздет собранный сегодняшним ранним утром, едва ли не до свету, раскидистый, пёстрый букет луговых цветов. Они только совсем недавно обсохли дома от переливчатой росы. Такая у них жила пятнадцатый год традиция. Только каждый раз отец Роман изыскивал новое цветочное место. Задачу облегчало то, что жили они на окраине самого настоящего леса, дубравы Нагорной. Правда, это сейчас были

уже остатки его славной могучей старины, но при желании в здешней мрачной тени под кронами тридцатиметровых дубов, ясеней, осин да кленового разнообразья можно было с помощью самой бесхитростной фантазии почувствовать себя настоящим древлянином. Здешние уютные опушки и просторные поляны были первыми снабженцами отца Романа по части букетного разнообразья: стройные колокольчатые синяки, гроздья жёлтого донника, который так и хочется назвать северной мимозой, потом же застенчивые жёлто-фиолетовые анютины глазки, печально-синяя луговая герань да бордовая лесная и, само собой, в буйной россыпи по вырубкам и гарям после огненного лета две тысячи десятого года — розовая поволока соцветий райского иван-чая. А поверху всего этого благолепия бледно-сладкий, крапчатый аромат перезрелой земляники...

Валентина вдруг представила такую забавную картину: лесная поляна, сквозь которую призрачными длинными лентами лениво тянется зоревой туман, и высоченный богатырь Романушка в сияющем белом подризнике до пят, какие священники надевают под фелонь на исполнение храмовой службы, азартно, по-мальчишески, рвёт росные цветы. И, прости Господи, хор ангелов над ним...

Матушка Валентина бережно, влюблённо обняла букет. И вдруг болезненно ощутила

неожиданный приступ стыда... Да такого резкого, который до сих пор в ней никогда не объявлялся, не смел... Повода не было. Но зачем-то именно сейчас, когда Валентина словно стояла на той лесной поляне рядом с мужем, она вдруг ни с того ни с сего подумала, что Володин сейчас, наверное, уже собирается идти к ним?..

«Бес меня хороводит!» — вспыхнула Валентина.

Так что первых гостей, её и Романа родителей, она встретила с некоторой растерянностью. Отцы Пётр да Григорий и их матушки Прасковья с Екатериной во всём были люди прежнего времени, когда Церковь десятилетиями каждый день ходила под угрозой нового атеистического запрета, если не жёстче того. Они всему радовались сдержанно. Родители провозгласили Божье благословение юбилярам, старательно перцеловались, — как добрую работу исполнили.

«Сейчас с минуты на минуту придут отец Василий и... этот... как его... — Валентина неожиданно забыла и имя, и фамилию Володина.

Роман могуче обнялся с родителями, своими пятью братьями, которые также были все как один духовных чинов, потом с семерыми сёстрами Валентины, ныне славными матушками, хотя со всех сторон был обвешен счастливо визжащей малышнёй из племянников и племянниц,

норовивших взобраться на него
аки на Вавилонскую башню.

Тут и вошли иеромонах отец
Василий да тот самый Родион
Романович. У обоих на лицах
мелькали одинаковые задорные
улыбки. Это они только что,
поднимаясь по лестнице, по-при-
ятельски оживлённо говорили о
том, что на дне самой Мариан-
ской впадины были недавно об-
наружены консервные банки из-
под «Спама». Вот, мол, где уже
человек надумал обустроить себе
мусорные свалки. Эх ему гадить
планету неймётся!

Монашеский черноризной об-
лик всегда имел на матушку Ва-
лентину особое строго-почтитель-
ное действие. Так было и сейчас,
несмотря на то, что отец Василий
оказался человеком весёлым,
простым с виду: небольшого ро-
сточка, с обветренным лицом,
какое бывает у заядлых рыбаков,
и быстрыми, пронзительными ма-
ленькими глазами, при всём при-
том таившими в себе глубинную,
мужицкую мудрость. Его шерша-
вые, большие рабочие руки гово-
рили о привычке хватко, азартно
исполнять всякое тяжёлое, каза-
лось бы, неподъёмное дело: сено
косить, кирпичи класть, колодец
рыть. Келейные чёрно-лаковые
стозерновые чётки для частого
чтения молитвы Иисусовой ка-
зались в них паутинкой, которая
лопнет от его первого к ней при-
косновения. Камиллавка с намёт-
кой была то ли несколько велика
отцу Василию, то ли это он себе
просто такую привычку усвоил

очень плотно её натягивать свер-
ху на свои большие, мальчишески
розоватые уши. Через такую их
прижатость к голове в лице у него
резко проглядывало выражение
решительной стремительности.

Наряду с этим всё монашеское
в этом усердном, старательном
человеке не только не выглядело
странным, но вовсе даже смо-
трелось благолепно. Особенно
в контрасте с экстравагантным
светским «прикидом» Володина,
начиная с его синих слиперов, за-
уженных льняных брюк оловян-
ного цвета и брутально-милита-
ристского чёрного бомбера, типа
американских лётных курток пя-
тидесятых прошлого века. Одна-
ко держался Родион Романович
так, будто на нём был последней
модели представительский ко-
стюм от самого Тома Форда.

Валентина взволнованно по-
дошла к отцу Василию под бла-
гословение. Какая-то странная
оторопь охватила матушку. Два
инока быстро внесли коробки с
подарками, и так же быстро ис-
чезли.

Все гости, кажется, сошлись.

Началась обычная суетная,
неуклюжая процедура взаимных
рукопожатий налево-направо, на-
зывания имён, которые многими
были тотчас забыты.

Матушка Валентина как бы
ненароком куда-то вдруг исчез-
ла. Однако сделать это совсем
незаметно ей не удалось. Сестри-
цы скоро разыскали свою стар-
шую, зная ещё с детства места её
обычных захоронок в этом доме.

На тот случай, если надо поплакать, одуматься, перемочь горькую досаду.

— Что вы все на меня набросились?.. — по дороге в зал сердито отбивалась Валентина от шумной свиты празднично взволнованных сестёр. — Я ходила проверить в кладовке квас!

— Что на тебя нашло, подружка? На тебе лица нет... — строго проговорила матушка Оля, когда сестрицы привели виновницу торжества обратно всем кагалом.

Далее по сценарию, придуманному матушкой Ольгой, юбиляров осыпали ворохом сверкающих лепестков белых роз. Будто снегопад устроили.

Володин ловко поймал на лету несколько таких «светлячков» и весело съел их.

— Оченно вкусно! — забавно объявил он. — Это я их, господа, на счастье употребил! Вдруг после этого и мне свезёт в личной жизни?

Эти сказанные мельком, играючи слова произвели радостный переполох в женской половине гостей. Володин мигом стал центром внимания.

— Вы не женаты? Разведены? Кто была ваша жена?!

Володин сделал несчастное лицо.

— Кто она?...

Матушке Валентине вдруг показалось, что он именно для неё затеял этот разговор. Ей стало особенно неприятно.

Родион Романович назвал имя. Но оно никому ничего не сказало.

И вдруг из-за спин отозвалась до сих пор едва ли не годами молчавшая Ангелина:

— Зоя Сурмина? Про них с дяденькой Родионом каждый день в Интернете пишут. Она теннисистка. Чемпионка. Очень известная и красивая... — тихо, спокойно проговорила дочь, словно все свои четырнадцать никогда и не молчала, несмотря ни на какие диагнозы.

Отец Роман растерянно огляделся. Валентина вскрикнула, крепко обняв Ангелину, со слезами глядя ей в глаза.

Родион Романович присел возле Ангелины и внимательно взял её за руки. Будто бы как доктор. Матушка Валентина смутилась, словно это он так сокрыто к ней самой прикоснулся.

— Здравствуйте, дядя... — вздохнула Ангелина. — Вы мне сразу понравились. Мама, правда, дядя хороший?

— Очень хороший! Замечательный... — быстро сказала Валентина и побледнела.

— Всё дышащее да хвалит Господа... — шепнул отец Роман и украдкой перекрестился.

А сама Ангелина, словно потратив все свои силы на такой для неё впервые длинный и сложный разговор, стомлэнно притихла. Тётушки всем кагалом одна перед другой нежнее нежного подхватили её и ловко перенесли в детскую.

Стали рассаживаться за столами. Конечно же вышло шумно. А где вы видели такую особую по смыслу процедуру, чтобы всё сложилось тихо да размеренно? В Кремлёвских залах на президентских приёмах и то умудряются притом опрокидывать тронные стулья и бить бокалы. Роль хозяев вообще в такую минуту невероятно ответственна и политична: проблема кого и где посадить? Одна головоломка ранжирная.

Матушка Валентина вдруг ясно, каким-то неведомым образом почувствовала, что её сейчас обязательно посадят напротив Володина. Лицом к лицу. И тогда ей словно бы откроется что-то очень важное. Неужели всё с ней происходящее в этой их обыденной домашней обстановке на самом деле есть самые что ни на есть изощрённые происки супостата?.. Мелкая она для него мишень. Не победная. Да не ей судить...

Матушка лихорадочно усмехнулась: ей-богу, с минуты на минуту Володин окажется напротив неё. Именно это место сейчас ещё пустует. Да вон его сам Роман сюда ведёт. Именно так.

Она почувствовала, словно ею заговорщицки помыкают. Её словно бы ставят в безвыходное положение. Как подталкивают к грешным помыслам. Некие неведомые силы.

Только с Володиным их напротив друг друга не посадили. Не угадала матушка.

Её и Родиона Романовича устроили бок о бок. И постарался об этом никто иной, как главный распорядитель праздника отец Роман.

— Посидите-ка рядом! — засмеялся он, наклоняясь над ними обоими. — Родион Романович оказал волшебное влияние на нашу дочь! Приглядишься к нему да разведай, в чём здесь сфинксова загадка.

— Действуйте смело и без оглядки, — радостно наклонился Володин к матушке Валентине. — Если разгадаете, я в пропасть с вершины горы не кинусь. В наше время мифам уже нет места.

«А чему есть?» — чуть было не сорвалось с языка у Валентины. В нём действительно было нечто опасное, невольнo настраивающее на откровенность. Вон как он вмиг, не ведая, разговорил Ангелину.

(Продолжение следует)